

Реалии войны

Валерий Брюсов как военный корреспондент

Большинство известных русских писателей к 1914 году уже по возрасту не подлежали военному призыву. Из символистов только Александр Блок и Андрей Белый, на тот момент обоим около тридцати, могли быть призваны на военную службу. Другие имели возможность нести добровольную службу в госпиталях или работать как военные корреспонденты. Но среди символистов лишь Валерий Брюсов проявил интерес к подобной деятельности. Едва получив известие о начале войны, он покинул свою дачу и отправился в Москву. Уже неделю спустя, 24 июля, московские литературные и художественные круги отмечали назначение своего предводителя на должность корреспондента московской газеты «Русские ведомости» в Польшу. Работа журналиста была непривычна для Брюсова, но предоставляла ему прекрасную возможность быть непосредственным свидетелем развития исторического процесса. В своей речи на «проводах» он говорил об универсальном значении текущего момента, о том, что сейчас не время для проявления и превозношения индивидуальности. В таких условиях искусство утрачивает свое значение, и Брюсов просит забыть о нем как о писателе, он отправляется в Польшу как «простой труженик». Эти слова показывают, как сильно повлияло объявление войны на мировоззрение Брюсова. Невероятно амбициозный и уверенный в себе поэт всегда отстаивал приоритетную роль искусства и свое первенство в современной ему русской литературе, но теперь скромно принимал на себя роль всего лишь одного из многих военных корреспондентов.

Брюсов был готов немедленно отправиться к месту службы, но возникли непредвиденные затруднения. Канцелярия московского генерал-губернатора без промедления выдала ему все необходимые разрешения, но Генштаб тормозил с выдачей допуска для поездки за линию фронта. После трехнедельного ожидания Брюсов решил отправиться в Варшаву под свою собственную ответственность. Он так и не получил официального статуса военного корреспондента, что в дальнейшем в определенном отношении серьезно затрудняло его деятельность в Польшу. Такое странное положение дел с наглядностью демонстрирует, как слабо были подготовлены российские власти к тому, чтобы полноценно задействовать писательскую общественность на идеологическом фронте.

14 августа Брюсов выехал из Москвы. Чем ближе он подъезжал к фронту, тем радостнее становилось у него на душе. Все сомнения по поводу того, насколько способна Россия вести войну, улетучивались: повсюду он видел свидетельства спокойного и уверенного отношения к происходящему. Ветераны Турецкой и Японской войн вновь облачались в военную форму. Солдаты, которые уже приняли участие в первых сражениях в Восточной Пруссии, снова рвались в бой. «Чувствуется, что вся армия осознает серьезность идущей войны и сливается в едином порыве сражаться и завоевать победу для России любой ценой», - писал Брюсов в одном из своих первых репортажей с фронта. То, что наблюдал Брюсов, всё больше укрепляло его уверенность в том, что Россия выйдет из войны победительницей, и свою задачу как журналиста поэт видел в том, чтобы распространить и укрепить эту уверенность в русской армии и русском обществе.

Первые варшавские впечатления так же принесли чувство облегчения. Отправляясь в командировку, Брюсов вовсе не питал иллюзий по поводу отношения поляков к русским, но по приезде будучи представленным в политических и литературных кругах, он увидел, что война против общего врага существенно улучшила непростые межнациональные отношения. Кроме того, разрядку в политический климат внес Манифест польскому народу, изданный Верховным главнокомандующим русской армии великим князем Николаем Николаевичем. «В первый раз по улицам Варшавы/ С легким сердцем прохожу один», - искренне делился Брюсов своими впечатлениями от первых дней в столице Польши.

Из своего корпункта в Варшаве Брюсов совершает поездки на линию фронта. Поскольку он не получил ни официального разрешения на работу военного корреспондента, ни аккредитации влиятельной общественной организации Всероссийский земский союз, каждая поездка на фронт была сопряжена с утомительными переговорами с военными властями. Его очень редко включают в список журналистов, которых допускают к посещению позиций в непосредственной близости от мест сражений, ситуацию облегчило только формальное признание его сотрудником Красного креста. «Русские ведомости» ждали от Брюсова два репортажа в неделю и предпочтительно информацию из первых рук из мест боевых действий. Брюсов собирал материал для своих репортажей, беседуя с офицерами и солдатами, ранеными в полевых госпиталях и представителями местного польского населения.

В конце августа – начале сентября Брюсов посещает небольшие городки к северу от Варшавы, а еще через несколько недель предпринимает первую поездку на оккупированную территорию Галиции. В отличие от населения Восточной Пруссии жители Галиции не спасались бегством от приближающейся русской армии, этот факт Брюсов объяснял жесткой дисциплиной в рядах русских войск: «Здесь, как и везде, русские солдаты проявляют уважение к местному населению и его имуществу». Брюсов создавал идеализированный портрет русской армии. В Галиции русские солдаты не мстили за разоренные немцами польские города вблизи границы с Германией, наоборот, предлагали плату за то, что забирали у местного населения: «В то время как немцы грабят польские города, мы предлагаем галичанам компенсацию за всё, что забираем у них».

19 сентября (2 октября) Брюсов приезжает в Ярослав в числе первых журналистов, посетивших город после его захвата русской армией. Австрийские полицейские всё еще следили за соблюдением законности и порядка, но повсюду уже можно было видеть русских солдат и офицеров. Российские рубли принимали в магазинах и ресторанах. Население Ярослава практически полностью осталось в городе, большинство принимало приход русских без какой бы то ни было враждебности. Брюсов с гордостью писал, что с приходом русской армии в городе не выбито ни единого оконного стекла. Безупречное поведение солдат он объяснял тем, что русские верят: они пришли на свои исконные земли. Подобное убеждение очень ценно для империалистически настроенного Брюсова. Наступление русской армии в Галиции – это начало воскресения Киевской Руси и осуществление одного из главных брюсовских чаяний, о которых идет речь в стихотворении «Последняя война». Исконные территории возвращаются их законным обладателям. В стихотворении «На Карпатах», написанном около месяца спустя после поездки в Ярослав, разрабатывается та же самая идея. Галиция – колыбель славянских народов. Последние 600 лет земля предков была занята чужаками и находилась в упадке. Брюсов сознательно игнорирует тот факт, что Галиция входила в состав Польского царства после потери над ней контроля русских князей и таким образом все-таки оставалась славянской территорией. Вместо этого он взывает к чувствам читателей, персонифицируя Галицию: «Так долго под вражеским игмом,/ Словно раб, томившийся край». Славянские народы поклялись вернуться в Карпаты, и теперь эта клятва сбывается «под грохот победы». В результате победоносного продвижения русских войск Галиция возрождается к новой жизни, мрак и туман, сгущавшиеся над ней до прихода армии-

освободительницы, постепенно рассеиваются. Для Брюсова русские победы в Галиции – это шаг к восстановлению общеславянского единства: «Здесь поставьте стяг единения/ Нашедших друг друга славян». Если верить Брюсову, местные русины приветствуют русских солдат как освободителей. Они чувствуют себя одним народом с русскими, не питая никакой симпатии к австрийцам и австро-венгерской армии. Таким образом, русское присутствие в Галиции имеет под собой историческую и этническую почву.

Четырем русским журналистам удалось добиться разрешения на поездку из Ярослава в передовые части русских войск. В письме к жене Брюсов жалуется, что не попал в число этих счастливцев, и выражает опасение в том, что ему, возможно, так никогда и не удастся стать свидетелем настоящего сражения. И действительно, ему так и не удалось оказаться ближе к линии огня, чем на расстоянии звука рвущихся снарядов. Наибольшая пережитая им вблизи фронта опасность – это два случая, когда в 50 метрах от него разорвались гранаты.

Приезд в октябре на поле боя недалеко от Пружкова – небольшого городка к юго-западу от Варшавы – стал для Брюсова первым столкновением с военной реальностью. За неделю до этого германская армия значительно продвинулась в направлении Варшавы, так что складывалось впечатление, что захват польской столицы немцами – это лишь вопрос нескольких дней. Но немецкое наступление в решительной схватке было остановлено русскими, и Брюсов сразу же отправился осматривать места сражений. В его репортажах перед читателями предстают военнопленные, павшие воины, трупы лошадей, деревянные могильные кресты, окопы, осколки снарядов, сломанные стволы деревьев. Эмоциональная реакция автора на трагическую сторону войны, как обычно, звучит приглушенно, в фокусе внимания военные успехи русской армии. Оборона Варшавы представляется славной страницей, вписанной в анналы русской военной истории. После такой значительной победы Брюсов даже готов признать силу немецкой армии. Ее техническое оснащение не знает себе равных, и среди сбитых русскими немецких аэропланов можно увидеть новые модели. Устройство окопов и военных укреплений говорит о детальном планировании наступления и четкой военной стратегии, немецкие штабные карты производят впечатление на русских военных специалистов. На оккупированных территориях немецкие солдаты ведут себя как настоящие варвары, но на полях сражений демонстрируют истинную отвагу и мужество: «Они проявляют стойкость на поле боя, смело идут под артиллерийский огонь, готовы ответить на

штыковую атаку и не впадают в панику, как австрийцы, когда их одолевает противник».

В середине ноября Брюсов совершает поездку в Лодзь, который незадолго до этого был освобожден от трехнедельной германской оккупации. Он ехал через Лович, в районе которого всё еще велись ожесточенные сражения. Освобождение Лодзи было одной из триумфальных побед русской армии в первую военную осень. Усталые лица немецких военнопленных служили для Брюсова еще одним доказательством того, что война скоро закончится. Истории, рассказанные ему жителями Лодзи, укрепляли его в убеждении, что германская армия измотана и деморализована до предела. В армии проявилось расслоение между офицерским и рядовым составом, бывшее хладнокровие и упорство исчезли. Побывав на полях сражения под Лодзью, Брюсов наблюдал павших немецких солдат. Даже учитывая его собственные признания в том, что он рассматривал убитых почти с безразличием, его описание увиденного не может не задевать той холодностью, которую многие считали чертой брюсовского характера:

Окопы были пусты, но рядом с ними повсюду были разбросаны тела немецких солдат – одни лежали на спине, другие лицом вниз, раскинув руки в стороны или прижав их к груди, лица, искривленные болью или абсолютно спокойные. Большинство были одеты в темную немецкую форму, иные полураздеты без сапог и шинелей, некоторые в русских шинелях, надетых, по-видимому, для защиты от холода. Среди погибших есть молодые, почти мальчишки, с нежными чертами лица и едва пробивающимися усиками, есть и зрелые мужчины около 40, почтенные отцы семейств, никогда даже не предполагавшие, что им доведется умереть вдали от дома, в чужой для них России, на заснеженном зимнем поле (...)

В середине ноября Брюсов сообщает своим читателям, что скоро единственными немцами в Польше будут разве что раненые солдаты в госпиталях. А всего неделю спустя ход войны меняется, и немцы отвоевывают Лодзь. И тем не менее это событие никак не пошатнуло уверенность Брюсова в том, что силы германской армии на исходе. По его мнению, лучшие части немцев сражаются на западном фронте, а основная масса солдат восточного фронта – это ополченцы и вчерашние школьники. У немцев больше нет резервов для введения в бой новой силы, и поэтому противостояние с русской армией вскоре должно перейти в критическую фазу. Последние успехи немцев под Лодзью и Ловичем Брюсов объясняет тем, что немцы напиваются перед сражением: «Немцы храбры и бросаются в атаку, потому что перед боем накачиваются водкой. Мужество русских трезво и осознанно».

В начале 1915 года Брюсов провел три недели в Москве, в обществе ему был оказан самый теплый прием. Чествовать поэта на банкете, устроенном Московским литературно-художественным кружком 18 января, собрались более 100 человек, был там и Вячеслав Иванов. Старый актер и драматург Александр Сумбатов-Южин восхвалял Брюсова не только как поэта, но и как журналиста и внимательнейшего бытописателя и наблюдателя. Лидер кадетов Павел Милюков выражал благодарность Брюсову и другим военным корреспондентам за своевременное и объективное освещение, в том числе и для членов Государственной думы, событий войны.

После еще одного банкета в его честь, на этот раз в Обществе свободной эстетики, Брюсов 25 января вновь уезжает в Польшу. По сравнению с Москвой Варшава выглядела как военный лагерь: расквартированные военные части, военнопленные, пункты Красного креста, аэропланы, последние новости с фронта. Брюсов немедленно возобновляет свои поездки. На севере Польши началось новое наступление немецкой армии, и Брюсов едет в район боевых действий, везет для русских солдат подарки от участников Московского литературно-художественного кружка. Продолжающиеся сражения не дают ему, как он планировал, доехать до города Пшасныш. Даже при всей серьезности ситуации и среди гражданского населения, и в войсках Брюсов отмечает полное отсутствие паники, выдержку и хладнокровие.

В Москве Брюсов столкнулся с распространенным в обществе мнением, что в русской армии повсеместна усталость от войны. Вернувшись в Польшу, он берется за энергичное развенчание этого заблуждения, суммируя новые прифронтовые впечатления для публикации «День печати» февраля 1915 года: «Тот, кто имеет хоть какую-то возможность соприкоснуться с армейской жизнью на фронте, с ее духом, прекрасно знает, что ни о какой усталости как распространенном в армии явлении не может быть и речи: с достойной восхищения бодростью армия продолжает исполнять свой долг, и каждый день несет всё новые примеры удивительного мужества и невиданной храбрости».

В марте Брюсов предпринял вторую поездку в Галицию, на этот раз в сопровождении писателя Александра Федорова, корреспондента газеты «Киевская мысль». Жизнь в Ярославе уже вошла в привычное русло, и Брюсов с удовлетворением видит приметы повсеместной русификации в оккупированном русскими городе. В сельской местности, напротив, нарушен нормальный ход жизни. Автомобиль, в котором едут журналисты, постоянно

окружают местные крестьяне с вопросами, к кому им следует обращаться за помощью. Брюсов не мог не замечать существования огромных трудностей в жизни местного населения, и тем не менее в своих репортажах он сообщает о благожелательном отношении жителей Галиции к новым властям.

Во время первой поездки Брюсова в эту область в сентябре 1914 года активно обсуждалась неизбежная на тот момент капитуляция хорошо укрепленного галицийского города Перемышля. Теперь у Брюсова появилась возможность побывать в городе вскоре после его сдачи австрийцами, без сомнения это один из самых замечательных моментов его корреспондентской карьеры. Захват Перемышля был для него еще одной славной страницей российской военной истории. Все разговоры о том, что город был сдан только потому, что у его защитников кончились запасы продовольствия, он клеймит как абсолютно лживые. С аэропланов жители города постоянно снабжались всем необходимым, поэтому в нужде находились лишь беднейшие его жители. Объяснением капитуляции для Брюсова могло быть только деморализация и разложение австрийских защитников города и мужество и выдержка русских солдат. Посетив окрестности Перемышля, Брюсов отмечает, как примитивно выглядят военные укрепления русских, и предпочитает толковать этот факт в позитивном духе. Вместо того, чтобы сосредоточиться на рытье окопов и строительстве укреплений, русские офицеры полагаются на природные качества своих солдат. Перемышль должен был стать «жемчужиной» новой российской области Галиция. Не смотря на тот факт, что 44% его населения составляли поляки и 36% евреи, Брюсов видел его русским городом, упирая на то, с какой легкостью местное население, так же, как и вся Галиция, принимает русское присутствие на своей территории. Ни о каких конфликтах между представителями оккупационных войск и местного населения не сообщалось.

Последнюю поездку в качестве военного корреспондента Брюсов совершает в апреле 1915 года, тогда он посетил «город Г». Он находился под немецким управлением с начала года, а весной был снова занят русскими войсками. До сих пор Брюсов не имел серьезных проблем с военной цензурой, но поскольку к этому времени ситуация в Польше принимала всё более критический характер, военным корреспондентам, в частности, было запрещено в своих репортажах упоминать полные географические названия. Вопреки заявлениям и предсказаниям Брюсова германская армия снова и снова демонстрирует способность взять реванш после поражений. В марте 1915-го Брюсов впервые проявляет неуверенность в собственных выводах и прогнозах. Он в принципе не слишком хорошо ориентировался в вопросах

военной стратегии, но сейчас начинает осознавать шаткость ситуации для русской армии.

Брюсов не был непосредственным свидетелем военных поражений лета 1915 года. В мае он покидает Варшаву. По свидетельству его жены, он возвращается в Москву разочарованным и не испытывает ни малейшего желания продолжать работу военного корреспондента. Правда, по другим источникам, Брюсов намеревался вернуться в Польшу спустя какое-то время. За его разочарованием стояло отсутствие крупных побед русской армии, а совсем не внезапное осознание, как утверждало впоследствии советское литературоведение, отвратительной империалистической природы войны.

Причины, по которым Брюсов оставляет работу военного корреспондента, многообразны. Одной из них было его желание вернуться к художественному творчеству и реализовать те писательские планы, от которых он был вынужден на время отказаться из-за войны. Искусство не должно служить деспотизму или революции, писал он еще осенью 1905 года, а теперь, на основании собственного опыта, он мог указать еще одну угрозу независимости искусства – это война. Его самоидентификация 1905 года – «моё место за письменным столом» - теперь снова становится актуальной. Активная общественная деятельность в качестве военного корреспондента стала серьезным вызовом для этого его самоощущения. В одном из предвоенных интервью Брюсов рассказывал, что для того, чтобы писать, ему необходимы тишина и покой: «Я не могу работать в спешке, по приказу. Я всегда восхищался людьми, которые способны писать быстро, особенно журналистами». Теперь он сам предпринял попытку вжиться в чужую для него роль, но это был лишь временный, хотя и полезный, опыт.

Не смотря на то, что оторванность образованного класса от народа никогда не была тревожащей Брюсова темой, работа в качестве военного корреспондента дала возможность «кающемуся аристократу» на некоторое время отказаться от своего привилегированного положения и сблизиться с народом. В сентябре 1914г. Брюсов писал жене:

Может быть, это прозвучит странно, но мне нравится такой образ жизни. Я слишком долго жил тихой жизнью, отвлекаясь от своих книг лишь ради дел Кружка и снова возвращаясь от кружковских забот к книгам. Теперь, когда я разъезжаю по нашим военным позициям, трясясь в местных почтовых каретах, простаивая ночь напролет в коридорах переполненных железнодорожных вагонов, я отдыхаю. Я воспринимаю такую жизнь как своего рода передышку.

То, что реальная армейская жизнь солдат и офицеров значительно отличалась от существования военного корреспондента, воспринималось Брюсовым в какой-то степени даже болезненно. Сталкиваясь лицом к лицу с теми, кто сражается и гибнет за Россию, он постоянно испытывает муки совести. «Самому хочется участвовать в этой тяжелой работе, рыть укрепления для снайперов, взрывать мосты, чтобы затруднить передвижение вражеских частей, растягивать колючую проволоку», - пишет он в репортаже сентября 1914г. Ощущение собственной ненужности просыпается в нем, когда он пишет, сидя в своем удобном гостиничном номере, а где-то далеко слышны залпы военных орудий, или когда ему на какое-то время удается забыть о войне, увлекшись дискуссией о поэзии в теплом купе поезда. Всё это для него не совсем достойно, так как «настоящее дело русских сейчас там, на линии огня».

Правда, вскоре различные тяготы и напряженный ритм работы начинают изматывать Брюсова физически: «Едешь 5-6 дней в машине, по холоду, часто целый день без еды и питья, ночами спишь где только можно прилечь, после этого смертельно уставший, продрогший до костей и полубольной пишешь по 12-15 часов подряд, чтобы не отстать от других корреспондентов (...)». Обеспокоенная его здоровьем жена умоляет Брюсова о возвращении. Тем не менее самолюбие не позволяет Брюсову слишком быстро отказаться от сотрудничества с «Русскими ведомостями». Он верит, что война не продлится долго и он еще станет свидетелем вступления русской армии в Берлин. 1 апреля 1915г. Брюсов писал жене:

... жаль оставлять труд, не закончив его. Это как будто неоконченный роман или пьеса. Будет нехорошо, если мне придется публиковать свои репортажи под названием «Первые месяцы войны». Всё время у меня такое чувство, что я должен подождать еще немного. Когда я думаю о том, что у моего приемника появится возможность войти с русской армией в Берлин, в то время как я лишь вошел с ней в Перемышль, у меня, как говорил Пушкин, «стынет кровь». Как я могу отказаться от такой возможности? И я продолжаю тянуть ляжку.